Знаковая сущность грамматической конструкции

А.С. Дружинин

В данной статье рассматриваются особенности семиозиса грамматической конструкции в ракурсе современных учений когнитивной лингвистики. Описав основополагающую для данного исследования биосоциокультурную теорию языкового знака, автор дает определение грамматической конструкции как сложной репрезентации мыслительных образов. Он предлагает модель когнитивных процессов, связанных с ее функционированием в языке и речи на примере одной из форм сослагательного наклонения.

The true life of a language consists in operations on signs
Е. С. Кубрякова

Как уже успел заметить внимательный читатель, приведенный выше эпиграф достаточно четко определяет значимость рассматриваемого в статье вопроса, а именно знаковой сущности любого языкового явления. Действительно, в свете постепенного ухода от ортодоксальных взглядов на язык как «систему знаков, функционирующей в речи», впервые предпринятого когнитивистами еще во второй половине XX в., фокус исследовательского внимания смещается все больше в сторону знаковой природы языковых единиц. Семиотическая предыстория языковых элементов при верном ее обозначении способна вывести исследователя на правильный путь к решению главных вопросов о том, зачем и каким образом мы выбираем в процессе общения то или иное слово, конструкцию, предложение.

Определение знаковой природы грамматической конструкции не может не представлять некоторых трудностей. Это в первую очередь связано с пограничным положением грамматической конструкции по отношению к другим «языковым сущностям», а именно к слову (лексеме) и предложению, семиотический статус которых исследовался достаточно широко и не менее основательно. Достаточно привести в пример теорию референции в семиотическом треугольнике Г. Фреге и учение о семиозисе предложения на пропозициональной основе Худякова. Для решения данной задачи обозначим для себя в качестве научного ориентира непосредственную теорию языкового знака, предложенную И.К. Архиповым, которая в этом исследовании будет приниматься как единственно верная.

Мифы о том, что в человеческом мозге существует специальные отделы, отвечающие за ввод и вывод информации и что система языка (знаков) хранится в памяти в готовом виде, были успешно развенчаны данными психолингвистов[1], что стало основанием для формирования радикально нового взгляда на сущность языкового знака. Биосемиотический подход, а именно так он был назван ввиду определяющего принципа «биологии сознания», рассматривает знак как психиче-

Дружинин Андрей Сергеевич – аспирант кафедры английского языка № 1 МГИМО(У) МИД России.
E--mail: jbond_007@rambler.ru

скую сущность, слияние (ассоциация) в сознании двух «психических отпечатков» – образа формы и образа содержания, в результате чего происходит речевая деятельность, то есть «понимание того, что было предметом мысли отправителя сообщения»[2].

Образ формы здесь – это звуковой или графический символ (как правило, речь идет о символах слов как минимальных единиц, способных обеспечить процесс понимания), а образ содержания – то, что условно принято под ним подразумевать. Подчеркнем еще раз, что звуки и буквы (образы формы) не являются знаками сами по себе, поскольку, будучи начертанием или звучанием, не могут олицетворять весь психический процесс, происходящий в сознании индивида. Это лишь символы, которые способны запустить в сознании адресата зеркальные механизмы формирования того же знака, а именно ассоциации услышанного или увиденного символа с образом (языковой) формы, что воссоздает ассоциируемый с ним образ.

В данном случае образ можно трактовать как «широкий диапазон восприятий и представлений – от детальной цветной картинки или рисунка-схемы до ощущения, что это нечто понятное, но невыразимое»[3]. Принято считать, что образы делятся на визуальные (те же картинки, рисунки-схемы) и ментальные, однако составляют ли они общую когнитивную структуру человеческого сознания – вопрос открытый, поэтому У. Матурана пользуется вместо этого понятием «(семантические) описания». С их помощью мы, наблюдатели (оязыченные сущности), мыслим не только об окружающей нас действительности (описывая что-то), но и о самих себя, и о своих обстоятельствах[4].

Сам язык предстает в наших глазах наблюдателя как независимая область описания описаний (или описания образов), в биологическом смысле являясь лишь частью нашей области сохранения адаптации в окружающей среде путем лингвистической координации собственных действий. Взяв за основу принципы биосемиотического подхода, обрисуем конкретные этапы процесса, когда структура символов, видимая нами с позиции наблюдателей как грамматическая конструкция, приобретает в нашем сознании знаковый статус:

– первый этап – наблюдения, концептуализации и категоризации. Ответ на вопрос о том, как слова начинают организовываться нами в сложные конструкции, впоследствии приобретая знаковую ценность, дает гипотеза «лексической грамматики» или грамматикализации лексики, впервые выдвинутая Р. Лэнекером, соотнесенная в умеренной пропорции с выводами психолингвистов и когнитивистов о процессе освоения человеком родной речи. Лингвистическое взаимодействие организма с внешней средой всегда начинается с реакции на отдельные стимулы, воздействующие на него рекурсивно, которые находятся в «каузальном» отношении с данной элементарной репрезентацией. Другими словами, все начинается с того, что простые символы в форме отдельных слов (лексем) при повторном употреблении окружающими нас людьми воздействуют на наше сознание с целью нашей (правильной) ориентации во внешней среде.

Затем эти символы приобретают для нас ценность[5], так как накопленный опыт «лингвистической» ориентации (наше поведение в условиях реакции на подобные символические стимулы, получившее или не получившее одобрение со стороны окружающих) позволяет нам связывать в сознании определенное понятие (ментальный или визуальный образ содержания) с данными символами (образом формы). То есть слова приобретают для нас значение, грубо говоря, они теперь способны быть для нас знаками. Однако по мере нашего развития «взаимоотношения» с окружающим миром усложняются, знаний о символах и их знаковой ценности становится недостаточно для все более разветвляющейся схемы координирования и координации.

Накапливающийся опыт и биологические возможности развивающейся нервной системы позволяют нам мыслить не только отдельными понятиями, довольно простыми образами содержания, но уже формировать на их основе сложные структуры – целые категории. На организм теперь рекурсивно воздействуют комбинации символических стимулов, а это ведет к образованию сложных репрезентаций, своеобразных конструктов – языковых конструкций. Таким образом, категории как конфигурации понятий помогают нам глубже осмыслить чувственные данные[6] о количественности, соотнесенности в пространстве, во времени и т.д., а грамматические конструкции как конфигурации форм (словоформ или просто слов) – наиболее точно их выразить.

Данные предположения позволяют нам дать определение грамматической конструкции как упорядоченной комбинации простых репрезентаций, ставшей в результате многократного употребления единой сложной репрезентацией мыслительной категории в виде особой конфигурации понятийных компонентов (образов содержания). Она в то же время предстает перед наблюдателем в виде структуры изменяемых единиц (форм), описывающей то, что нельзя адекватно описать отдельными ее единицами.

Частотность контекстов, в которых возникают те или иные конструкции, предопределяет знание индивида о сочетаемости всех форм и слов, используемых им при общении. Грамматическая система как набор конструкций, следовательно, «существует потенциально в памяти каждого адекватного носителя конкретного языка как результат осмысления всех высказываний-стимулов, полученных извне»[7]. Это «материализованная в символах знаковая система, хранящая категорированный когнитивный опыт (знание)»[8].

Было бы неверно утверждать, что грамматика хранится в сознании в виде дискретных единиц, к которым индивид прибегает в каждом речевом акте. Скорее всего, здесь идет речь об уверенности носителя языка в том, что он всегда найдет способ выразить свои мысли, потому что «знает, как», опираясь на опыт, накопленный в лингви-

стическом взаимодействии, представляющий своеобразные автоматизмы, «когнитивные привычки» (cognitive routines[9]), языковые шаблоны. Такое «языковое чутье» (a language stance), подобно динамическим стереотипам (катанию на велосипеде, например), где с каждой «практикой» мы достигаем все большую степень свободы и разнообразия «техники». Здесь уместно вспомнить основополагающее положение А.А. Леонтьева в его теории речевого онтогенеза, впервые высказанное еще В. Гумбольдтом, что «усвоение языка не есть приспособление слов, их складывание в памяти и оживление с помощью речи, но развитие языковой способности с возрастом и упражнением». Этим, вероятно, можно объяснить возникающие в языке вариации, значительные и незначительные изменения в использовании форм и грамматических конструкций, ведь если бы грамматика была застывшей системой единиц, как можно было бы обосновать происходящие в ней непрекращающиеся перемены, наличие двух и более вариантов для выражения одной категории и т.п.;

– второй этап – оязыковывания (речевой реализации). На этом этапе в центре нашего внимания функционирование грамматической конструкции как сложной репрезентации, которая, само собой разумеется, может возникнуть в конкретной речевой ситуации как результат ситуативно обусловленного речетворчества, то есть здесь мы тем или иным образом имеем дело с полноценным высказыванием, имеющим, в отличие от элементарных лексем, усложненную цепь характеристик (не просто значение, а смысл; не просто понятие, а конфигурация понятий и т.д.).

Наличие речевой интенции или мотива, «потребности выразить, передать определенную информацию»[10] вызывает к жизни «замысел» будущего высказывания (А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев), иными словами, мыслительный образ содержания (И.К. Архипов). Данный образ-представление (здесь мы будем рассматривать «сложный» образ, включающий в себя не менее одной понятийной категории) запускает механизмы внутреннего программирования смысла высказывания. Это, согласно учениям психолингвистов, подразумевает различные операции, от определения основных смысловых элементов до выбора их последовательности. Далее по языковому коду происходит лексико-грамматическое развертывание высказывания, то есть ассоциация, связывание образа содержания с образом формы, что, по всем данным психолингвистов, происходит по схеме «слово – словоформа». С данной позиции интересующие нас конструкции, по всей видимости, можно рассматривать как следующее звено в этом языковом развертывании, как образованный в процессе когнитивной ассоциации сложный образ линейного единства словоформ с отдельным завершенным смысловым содержанием.

Универсальной фазой речевой реализации является непосредственное озвучивание «замысленных» форм, в процессе которого, как известно, участвуют артикуляционные органы, с биологической точки зрения пришедшие в действие в результате моторных сигналов нервной системы.

Обобщить описание стадии речевой реализации применительно к грамматической конструкции можно следующим образом: наличие намерения что-то сказать (наши цели и установки в настоящий момент времени, наш прагматикон[11]) обусловливает в нашем сознании появление общего образа содержания. Точнее, целой понятийной категории, которая не возникает просто так, извне, а является результатом нашего осмысления окружающего мира, отдельным элементом нашей общей картины мира (тезауруса). Наше стремление выразить собственные мысли не может рассматриваться в отрыве от ситуации общения, поэтому мы формируем в сознании не просто общий образ, но также и конкретный смысл будущей конструкции, какой, как нам представляется, она будет нести для адресата в данной ситуации.

Связывание задуманного смысла с образом формы грамматической конструкции зависит от усвоенного нами словарного запаса и категоризованных нами знаний о способах и вариантах изменяемости и сочетаемости его единиц (слов) – в широком смысле, от нашего лексикона. Допустим, что понятие «лексикон» определяет в данном случае не только концептуализированный, но и категоризированный словарный запас индивида, то есть усвоенные слова плюс способы их грамматической вариации;

– третий этап – восприятия и интерпретации. Любое восприятие речи начинается с *сенсомоторного уровня* (Л.С. Цветкова), когда материальные сигналы (звуковые колебания или конфигурации букв) становятся доступными нашим органам чувств. Отсюда по нервной ткани поступают сигналы в мозг, что обеспечивает по языковому коду (языковой код – «сохраняющиеся во времени специфические состояния активности нервной системы, вызванные взаимодействиями и предопределяющими необходимые реакции нервной системы на данные сигналы в данных условиях взаимодействий») образование в сознании образа формы (как правило, это образы слов). Положения концепций речевосприятия И.А. Зимней и Н.И Жинкина, а также Л.С. Цветковой заключаются в том, что первые «умозаключения» (связи образа формы с образом содержания) делаются слушающем о смысловом звене, синтагме[12], а не о каждом слове в отдельности. Допустив, что грамматическая конструкция может являться законченным в смысловом отношении сочетанием, предположим, что ее означивание в сознании слушающего происходит сразу после появления ментальных образов слов. По терминологии Л. С. Цветковой, данный этап называется лингвистическим уровнем речевосприятия. Следующим (последним) шагом на пути целостного понимания является собственно психологический уровень, формирование общего смысла всего высказывания в целом в данной конкретной ситуации общения, то есть непосредственно интерпретация использованной грамматической конструкции (в нашем случае –

как отдельного высказывания). Психологический уровень, по Л.С. Цветковой, включает восприятие и анализ интонационного и стилистического построения высказывания, сопоставление его с жестами и мимическими реакциями говорящего (в процессе живого речевого общения), анализ смыслового значения высказывания в «контексте» предшествующей речи.

В качестве наглядной иллюстрации постараемся дать поэтапное описание знаковой природы грамматической конструкции сослагательного наклонения (в традиционном обозначении) would do smth в высказывании I would do it.

Этап I. Данный этап схематично можно представить в следующем виде:

1) Простые репрезентации в виде отдельных лексем *would* и *do* воздействуют на организм, приобретая для него знаковую ценность.

2) После того как процесс означивания успешно состоялся («правильная» реакция организма была «подкреплена»), в сознании за данными символами (репрезентациями) закрепляются ментальные образы. Предположительно, *would* концептуализует прежде всего некатегоричное волеизъявление: e.g. – Do you want some tea? – I *would* / I'*d* love to. Лексема *do* ассоциируется с понятием «совершение действия» в самом широком смысле.

3) На основе накапливаемого опыта и расширяющихся знаний в сознании совершается процесс категоризации: оба понятия составляют одну конфигурацию и становятся категорией. Чтобы ее адекватно представить, лексемам приписывается определенная «роль» (языковая форма), что приобретает вид грамматической конструкции. e.g. – What *would* you *do* in such a case? – I *would do* it.

Формы инфинитива *do* и вспомогательного глагола would теперь являются единой конструкцией, выражающей категорию супрареальности (обработанная мышлением собственная реальность сознания, «надстроенная» над образами (образом) непосредственной реальности, воспринимаемой человеком из окружающего мира)[13].

Важно отметить, что в сознании условно «остается» ментальный образ супрареальности, который нужно описать с помощью языковых средств, а не образ самой конструкции как отдельной единицы или языкового эталона. В памяти носителя языка сохраняются лишь знания о том, как построить эту конструкцию из образов отдельных слов, т.е. его опыт подсказывает ему, что нужно сказать – *What would you do, а не – What would you to do или – What do you do?*

Этап II. Для описания этапа речевой реализации определим некоторые параметры ситуации общения: допустим, что говорящий и его собеседник (члены одного и того же языкового коллектива и представители одной культуры) обсуждают какую-то сложившуюся проблему и пытаются найти пути ее решения. То, каким образом говорящий употребляет конструкцию *would do* в высказывании *I would not do it in this case* (как пример), можно разбить на отдельные компоненты-этапы, а именно:

1) мотив говорящего воздействовать на собеседника: мягко указать на неудачность какого-либо действия в настоящей ситуации;

2) формирование в сознании говорящего общего замысла будущего высказывания: образа супрареальности (поскольку, например, образ простой будущности ассоциируется с «мягким», некатегоричным указанием в меньшей степени);

3) конструирование общего смысла, который говорящий хочет донести до собеседника языковой формой: *он бы так не поступил в этом случае*. Здесь в смысловой центр он помещает себя как носителя предположительного (супрареального) действия (в отличие от *it would be better*…), что может приобретать смысл совета с большей степенью соучастия, заинтересованности, сопереживания;

4) лексико-грамматическое развертывание высказывания согласно задуманному смыслу: мягкий совет оформляется грамматической конструкцией *would do*, смысловой компонент соучастия находит выражение в субъекте I, который ставится на первое место в высказывании, значение отрицания ассоциируется с формой *not*;

5) произнесение говорящим фразы *I would not do it in this case*.

Этап III. Данную стадию также имеет смысл разделить на подэтапы:

1) восприятие слушающим звучащей речи органами чувств;

2) образование в сознании слушающего образов форм слов: *I, would, not, do, it, in, this, case;*

3) ассоциация выделенных синтагм с ментальными образами: I would not do it как первая синтагма (в нашем случае – грамматическая конструкция) ассоциируется с образом супрареальности, *in this case* – с образом пространственных отношений;

4) конструирование общего смысла высказывания на основе сделанных умозаключений о «появившейся» комбинации образов содержания: слушающий интерпретирует высказывание и в зависимости от определенных факторов. Как правило, это индивидуальные особенности умственного развития, социального положения, воспитания, эмоционального состояния и т.д. в большей или меньшей степени достигает понимания того, что имел в виду говорящий (например, мягкий совет с оттенком соучастия и сочувствия).

Таким образом, рассмотренные особенности семиотического процесса грамматической конструкции на разных уровнях (концептуализации и категоризации, речения, интерпретации) помогает открыть новую область исследовательского интереса в вопросах функционирования языковых репрезентаций понятийных категорий. И здесь идет речь не просто об отказе от догм структурализма, в котором грамматика есть застывший инвентарь форм, а о кардинально отличающемся подходе к рассмотрению когни-

тивных механизмов употребления конструкций, где в центре внимания языковая личность и ее речетворчество.

Цели и установки, понятийный аппарат, знание о языке конкретного индивида и обусловливают особенности формирования смысла языковой формы и его дальнейшую интерпретацию в процессе общения, не говоря уже о различных «грамматических вариациях», отклоняющихся от принятой нормы, но допускаемых говорящим в определенной ситуации с определенной целью.

Druzhinin A. S. The Semiotic Essence of Grammatical Construction.

Summary: *The article explores the peculiarities of semiosis of grammatical construction from the perspective of modern studies into cognitive linguistics. Setting out the bio-socio-cultural sign theory fundamental for this research, the author defines a grammatical construction as a complex representation of mental images and offers a model of cognitive processes connected with its functioning in language and discourse as illustrated by the example of a Subjunctive Mood form.*

Ключевые слова

Биосемиотический подход, языковой знак, грамматика, грамматическая конструкция, понятийная категория

Keywords

Biosemiotic approach, linguistic sign, grammar, grammatical construction, conceptual category

Примечания

1. Архипов И. К. Язык и языковая личность. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. С. 73.
2. Архипов И. К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // Studia linguistica cognitive. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 114.
3. Ibid. С. 122.
4. Матурана У., Франциско В. Древо познания/ Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 185.
5. Новиков Д. Н. К биокогнитивным основаниям лексической семантики: Так где же живут слова и их значения? // Вестник МГЛУ, 2009. № 571. С. 101–114.
6. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание / Отв. ред. А.В. Десницкая. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 151.
7. Архипов И. К. Слова и синтаксические конструкции // Слово в предложении: коллективная монография / Под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 64-83.
8. Kravchenko A. V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics [Электронный ресурс] Режим доступа: http://isea.academia.edu/AlexanderKravchenko/Papers/1206178/Grammar_as_semiosis_and_cognitive_dynamics. Дата обращения: 17.06.2012.
9. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. L.: Routledgem 2006. P. 501.
10. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. С. 41.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
12. Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. М.: Институт языкознания (Академия наук СССР), 1976. С. 32–33.
13. Дружинин А. С. О статусе сослагательного наклонения в английском языке в свете когнитивной лингвистики // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: "Грамота", 2012. № 2 (13). С. 62–65. - http://www.gramota.net/materials/2/2012/2/20.html